

Русские переводчики художественной литературы и билингвизм

Е. Л. Калашникова

РУССКАЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДА, МОСКВА

Аннотация. Статья основана на материале интервью с русскими и зарубежными переводчиками художественной литературы. Многие из тех, для кого русский язык – родной и кто живет за рубежом, переводят художественную литературу и на русский, и на язык той страны, где живут. Представлены различные аспекты метаязыковой рефлексии таких современных потоков и переводчиков, как Елена Костюкович, Анатолий Либерман и Ян Пробштейн.

Ключевые слова: билингвизм, перевод, современная поэзия, метаязыковая рефлексия.

УДК 821

Контактная информация: Калашникова Елена Львовна, преподаватель РШП (Калошин пер., д. 4, стр. 1, Москва, 119002, elka5678@yandex.ru)

В докладе на конференции «Язык и языки поэзии» я ссылалась на материал своих интервью с русскими и зарубежными переводчиками художественной литературы, часть из них вошла в мою книгу «По-русски с любовью. Беседы с переводчиками» (М.: Новое литературное обозрение,

Калашникова Е. Л. Русские переводчики художественной литературы и билингвизм // Критика и семиотика. 2015. № 1. С. 390–397.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2015. № 1
© Е. Л. Калашникова, 2015

2008). В основном у моих собеседников разный опыт освоения иностранных языков, как и отношение к языку (родному и иностранному), работе с ним, различные представления о языковой норме и т. д. Многие из тех, для кого русский язык – родной и кто живет за рубежом, переводят художественную литературу и на русский, и на язык той страны, где живут. Так, живущий в США Ян Пробштейн переводит поэзию как с английского на русский (Эзра Паунд), так и с русского на английский (Афанасий Фет, Осип и Роальд Манделштамы); Анатолий Либерман, еще более давний житель США, на русский переводит поэзию Уильяма Шекспира, Уильяма Эрнста Хенли, Томаса Гарди, а на английский – Михаила Лермонтова, Федора Тютчева, Евгения Баратынского. Но есть и противоположные примеры, один из них – Сергей Морейно: он давно живет в Латвии, но переводит только на родной русский – с латышского, немецкого, польского. Обычно те, кто живет в стране родного языка, предпочитают переводить на него, но есть и исключения: так, Ольга Варшавер на английский перекладывает, в частности, стихи Вероники Долиной.

Если говорить подробнее, то среди тех моих собеседников, кто переводит зарубежную литературу на русский, из билингвов в чистом виде, таких как Геннадий Айги, можно назвать, пожалуй, двух. Один из них Вальдемар Вебер (р. 1944) – поэт, переводчик, прозаик, литературовед, из семьи российских немцев. Из нашего с ним интервью:

«Немецкий я получил в семье.

– В семье на немецком говорили?

– С мамой и бабушкой... По крайней мере, родители делали все возможное, чтобы мне его дать.

– Первый Ваш язык русский?

– У меня – русский, у брата – немецкий, потому что он вырос с бабушкой и дедушкой в Сибири, в ссылке, и до определенного времени вообще не говорил по-русски. А я рос во Владимирской области с родителями и не хотел говорить на немецком, но, по крайней мере, его слышал, в семье он присутствовал, я его знал. Но мне хотелось быть как все, и родители не настаивали.

– А родители дома все время говорили на немецком?

– Когда как. Когда бабушка приехала, больше говорили по-немецки. Понимаете, они из Немецкой советской республики.

– А у них первые языки были какие?

– У мамы – немецкий, у папы – русский, хотя папа очень хорошо знал немецкий. Российские немцы отличались друг от друга в зависимости от места, где жили. Жившие в колониистских анклавах очень долго сохраняли язык, русский язык там почти не присутствовал. А тот, кто переезжал и вырастал в таких городах, как Петербург, Царицын, Астрахань, проходил процесс ассимиляции. У этих городских немцев русский язык брал

верх. Это всегда естественная ассимиляция в крупных городах. Мама жила в городке Бальцер, там вообще по-русски один только умел говорить – это учительница русского языка. Но в основном родители говорили на диалекте – он сильно отличался от литературного языка. Я его больше знал и слышал, мама со мной занималась – она была учительницей немецкого языка, она знала и литературный язык. В первые годы в Инъязе я в основном изживал остатки диалекта, мне хотелось говорить хорошо. В общем, Инъяз дал мне литературный немецкий язык, хотя изначально я его чувствовал лучше других, потому что диалект все же – основа, и он, наверное, сыграл роль потом, когда я начал писать по-немецки».

Про переводы:

«Я жил, переводил, прежде всего, сам писал стихи, прозу, но меня не печатали, потом бросил писать прозу.

– *А переводить Вы начали намного позже, чем писать стихи и прозу?*

– Да, но я недоволен тем, что я делал как поэт и прозаик, и хорошо, что меня не печатали. Сейчас я так на это смотрю. Потом неожиданно я стал писать по-немецки и печататься в Германии и здесь в России в немецких изданиях, одновременно переводил... С начала 1970-х, когда я начал переводить, и до времени отъезда – это время ушло на то, чтобы что-то интересное открывать. С 1992 года я практически не переводил, уехал и как бы завершил эту деятельность. Но недавно начал немножко на немецкий переводить, что-то лежало в столе и где-то с 2005–2007-го я начал вынимать многие вещи из стола и увидел, что многое сделано. Наверняка, буду много переводить, но уже не зарабатывая на этом, а для себя, в свое удовольствие».

Про языки:

«Набоков говорил, что писать на языке выбора – возможно, я, например, взял и перешел на немецкий, хотя мой главный язык – русский. А переводить на язык выбора невозможно, потому что, когда ты пишешь, ты уходишь от трудностей, ты хозяин положения, а в переводе ты должен перевести и все, тут играют суггестивные вещи. Перевод – это более сложная вещь, и тут играют роль вещи, которые для собственного творчества не так важны или, по крайней мере, не так определяющи. ...Я пишу по-немецки, так же как по-русски, но все равно главный язык для меня – русский. Я его ощущаю глубже и те сомнения, которые бывают у меня в отношении стиля немецкого текста, особенно, что касается идиоматики, мне надо перепроверять, в русском мне этого не нужно».

Если Вебер переводит в обе стороны – на русский и немецкий, то Кирилла Фальк (1921–2006) занималась переводом на один язык, она переводила русскую поэзию на французский – Пушкина, Баратынского, Хармса, Блока, Цветаеву, Самойлова, Лиснянскую... Она, дочка художника Роберта Фалька и внучка К. С. Станиславского, детство провела за границей. В интервью она рассказывает, почему ее раннее детство прошло в Европе: «Когда мне исполнился год, в связи с гастролями МХАТа, которые продолжались, как известно, два года, вся семья выехала за рубеж. Но, тогда как основная труппа под руководством К. С. Станиславского после недолгих гастролей по Европе на два сезона уехала в Америку, мои бабушка, мама и я в младенческом возрасте остались в Европе. Второй и третий годы моей жизни проходили в Германии, во французской Швейцарии и во Франции. Хотя в семье говорили по-русски, я стала немного понимать и лепетать по-немецки и по-французски. Когда мне исполнилось три года, мы вернулись в Москву, в дом К. С. Станиславского». Потом она снова жила за границей и вернулась в Москву в неполные пятнадцать лет.

В девять лет она перевела на французский романс из репертуара Владимира Хенкина: «Жил при дворе у короля И у прекрасной королевы Веселый шут. Король любил Его веселые напевы».

Про отличие перевода прозы от поэзии: «Переводить сложных прозаиков и поэтов мне порой было легче, чем простых. Но были и поэты, даже горячо любимые мною, которые мне совсем не давались, например, Марина Цветаева. Прозу для меня переводить сложнее, чем стихи. Стихи я переводила в другом состоянии. При переводе поэзии мобилизуются все комбинирующие способности мозга, большую роль играет интуиция. Прозу я тоже переводила. Например, третий том «Петра Первого» Алексея Толстого, пьесы Леонида Леонова, Всеволода Вишневского, Ильи Эренбурга. Но я считала себя переводчиком поэзии, это мое призвание».

Остальные мои собеседники в разной степени владеют одним или несколькими иностранными языками, выученными в школе или вузе.

Например, Софья Ильинская – переводчица новогреческой поэзии на русский язык. Первой представила российскому читателю поэзию Константиноса Кавафиса (1967), она – составитель, автор предисловий и переводчик таких сборников его переводов, как «Лирика» (1984), «Русская Кавафиана» (2000), «Проза» (2003), «Полное собрание стихотворений» (2009). Переводила Янниса Рицоса, Георгоса Сефериса, Одиссеаса Элитиса... Ильинская изучала новогреческий язык на филфаке МГУ, вышла замуж за греческого писателя Мицоса Александропулоса, который в то время жил в Москве. Всю жизнь она занимается исследованием новогреческой литературы, ее взаимосвязями с русской и переводами с новогреческого. В 1983-м Ильинская вслед за мужем переехала в Грецию и с тех пор там живет. Их дочь – билингв, Ильинская с самого начала говорила с ней по-русски, а отец учил ее греческому. «Как сложилась ваша жизнь в Гре-

ции? – Можно сказать – счастливо. Двадцать пять лет мы с Мицосом жили вместе в России, а когда, после падения диктатуры, для него открылся путь возвращения, настал мой черед быть с ним на его родине, и мы были вместе еще двадцать пять лет. ... Для меня важную роль сыграло то, что Греция – страна моей профессии. Открылся доступ к литературе, прежде недостижимой, новые возможности совершенствования. Я была избрана в университете города Янина профессором греческой литературы и свои лекции читала без конспектов, радуясь возможности свободно донести свою мысль, поделиться собственным восприятием текстов, которые мы разбирали. Поначалу все мои статьи и книги правил Мицос, не так чтобы много. Со временем – все меньше и меньше».

Ильинская относится к тем, кто переводит только на русский язык, на греческий не переводит, но пишет на нем литературоведческие исследования.

Елена Костюкович – переводчик, литературный агент, писатель, около тридцати лет живет в Италии. Итальянский язык она начала учить на филфаке МГУ. Занимается переводами на русский (романы Умберто Эко), итальянский, английский. Есть у нее опыт автоперевода – переложила на итальянский роман «Цвингер».

В нашем интервью как противоположную себе жизненную установку она приводит пример Петра Вайля. Приехав в Америку и работая на радио «Свобода», в издании «Новый американец», он не вошел в американский мир, при этом «знал весь мир, много путешествовал, но вся отдача шла сюда. Думаю, такие люди видят все через русскую призму, но не провинциальную: я ничего не знаю и ничего, кроме русского, меня не интересует. Я понимаю, как все это видят глаза русского интеллигентского сознания». Есть второй тип, когда человек отходит от своего прошлого, полностью внедряется в новую жизнь и культуру. Себя она относит к третьему виду: «Эти существа беспрерывно занимаются перетягиванием этой реальности туда, а той – сюда. Они чувствуют себя принадлежащими и к тому, и к другому миру, и это абсолютно равноправное сосуществование двух стран в душе, причем, поверьте, приоритетов нет ни на одной стороне. Когда я вижу хорошую книжку по-русски, первая мысль: “Как мы ее будем переводить на итальянский, в какое издательство пойти?..”. Тут я в своей итальянской среде и вижу эту книжку итальянскими глазами. У меня нет чувства, что я лазутчик из России, у меня ощущение, что я часть итальянского издательского истеблишмента, просто я вижу нечто, что могу понять, оценить, обработать и предложить итальянской культуре. То же самое происходит, стоит мне взять в руки хорошую итальянскую книгу. Это раздвоение личности называется шизофренией. В этом состоянии сосуществовать не так легко. Я не знаю, кто я, тут я не кокетничаю. Я вижу Россию итальянскими глазами, но когда приезжаю сюда, здесь я не растворяюсь, поэтому все то, что меня отталкивает, а этого немало, оттал-

кивает очень сильно. Но точно так же, живя в Италии, я все время сознаю, что, хотя я там работаю, получаю гонорары, публикуюсь, выступаю на телевидении, я от них сильно отличаюсь. Поэтому подобные мне люди чужие и здесь, и там».

Об изменениях в русском языке: «Мне сейчас нелегко переводить на русский. Выражения, про которые я знала, что их обязательно надо объяснить, уже вошли в язык. А как узнать, какое из слов требует объяснения, особого ухаживания, а какое пойдет само? Для этого нужно жить здесь».

Среди других переводчиков, кто уехал и занимается переводами на оба языка – на русский и выученный позже, в данном случае, иврит, приведу несколько цитат из своей беседы с Петром Криксуновым.

Петр Криксунов родился в 1954 г. в Киеве, в 1976-м переехал в Израиль, живет в Иерусалиме. Изучал иврит и древнесемитские языки в Еврейском университете в Иерусалиме. На протяжении последней четверти века занимается переводами художественной литературы и поэзии с русского на иврит (изредка и в обратную сторону). Среди опубликованных переводов – стихотворения и эссе Мандельштама, «Преступление и наказание» и «Подросток» Достоевского, «Приглашение на казнь» Набокова, «Смерть Ивана Ильича» и другие рассказы Льва Толстого, «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Доктор Живаго» Пастернака, «Самсон Назорей» Жаботинского и др.

– Почему Вы стали переводить на иврит? Вы ведь начали учить его в довольно взрослом возрасте.

– Да, в 20 лет.

– Считается, что переводить надо на родной язык, потому что чувствуешь его лучше, чем выученный. Конечно, у всех тут свой опыт. В общем, как сложилось, что Вы стали переводить на иврит?

– Это ведь потрясающее духовное, интеллектуальное, какое угодно, путешествие.

– Но Вы же могли переводить на русский – с того же иврита, с английского?..

– Это самый легкий путь – переводить на родной язык, там все известно, а тут овладеваешь новой вселенной, это гораздо интереснее.

Про изучение иврита:

«С ивритом было ощущение, что его вспоминаешь.

– Скажите, а редактор важен для Вас?

– В принципе важен, во-первых, потому что язык неродной...

- Значит, нужен тот, для кого иврит – родной?
- Обязательно.

Что касается тех, кто живет в России и переводит зарубежную литературу на русский, одной модели отношения к переводам на неродные языки тут нет. Обычно переводчики старшего поколения, сформировавшиеся и начавшие переводить в советское время, переводят только на родной, русский, язык. Одна из них – Нина Федорова, работающая с несколькими языками: немецким, шведским, нидерландским, английским, польским, датским, норвежским. «Вы не хотели бы переводить русскую классику на иностранные языки?» – «Нет, я не билингв. Нужно вырасти в двух культурах сразу, таких людей немного. По-немецки я могу выразить все свои мысли, но пусть немецкие переводчики выражают мысли русского автора. У нас был единственный переводчик-билингв – Юрий Эльперин. Он перевел на немецкий много русской литературы». И такое мнение разделяет основная часть моих собеседников.

Для Владимира Микушевича (р. 1936) главная предпосылка перевода – профессиональное знание языка, с которого он переводит.

- Что значит «профессиональное»? Свободное?

– Значит, говорить и писать на этом языке. Например, я говорю, пишу и печатаюсь по-немецки. Еще я перевожу русскую поэзию на немецкий, хотя из этого мало что опубликовано. Я сделал небольшую антологию русской лирики в переводах на немецкий.

- Какой язык, какая культура Вам ближе? Немецкая?

– Конечно. Я вообще человек немецкой культуры, это одна из загадок моей жизни. Я с большой легкостью, будучи еще совсем маленьким, открыл, что понимаю этот язык и думаю на нем, хотя у нас в доме по-немецки не говорили. Один видный германист польстил мне предположением, что я реинкарнация Brentano. Хотя православная церковь осуждает это учение, в моем отношении к немецкой культуре есть загадка, которую иначе не объяснить. Немецкий и французский давались мне очень легко; английский, с которого я, наверное, перевел не меньше, требует постоянных усилий. Среди переводчиков художественной литературы распространен вредный предрассудок: язык можно знать хуже, чем переводчики-синхронисты. Другое дело, на нем можно не очень свободно говорить... С немецкого мне трудно сразу перейти на итальянский, но по-английски и по-французски я и сейчас объясняюсь. Русская поэзия ближе всего к немецкой, это родство русской и немецкой поэзии я, вероятно, и воплощаю».

Я привела высказывания переводчиков на тему билингвизма и перевода на неродные языки. Как правило, те, кто живет в стране выученного языка, обычно переводят, в частности, художественную литературу

на этот язык или пишут на нем. Те, кто живет в стране родного языка, предпочитают переводить на него.

Article metadata

Title: Russian literary translators and bilingualism

Author: E. L. Kalashnikova

Author's e-mail: elka5678@yandex.ru

Author affiliation: Russian School of Translation

Abstract: The paper is based on the interviews with Russian and foreign literary translators. Usually literary translators live in the country of the working language and translate the texts and the books into that language or/and write in it. Different aspects of metalinguistic reflection of such contemporary poets as Elena Kostyukovitch, Anatoly Liberman and Yan Probsteyn are revealed.

Key terms: bilingualism, translation, contemporary poetry, metalinguistic reflection.